

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ПРОВЕРКА ТЕОРИИ О ЗНАЧЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ *mi-* И *e-*

В ВДИ (1962, № 4, стр. 91 сл.) был опубликован мой доклад «Префиксы *mu* и *e* шумерского глагола», прочитанный 14 мая 1962 г. на II Всесоюзной сессии по древнему Востоку в Ленинграде. В нем были проанализированы все четыре теории о значении глагольных префиксов *mi-* и *e-* в шумерском языке: 1) определяющая их как указатель движения действия в пространстве; 2) определяющая их как указатель движения действия во времени; 3) определяющая их как указатель движения действия в мире религиозно-социальных явлений и 4) определяющая их как указатель движения в мире биологических явлений. Установив недочеты, которые имеют перечисленные теории с моей точки зрения, я обратился к детальному анализу документа хозяйственной отчетности RTC, 19, который все авторы рассмотренных теорий считали и считают «классическим» текстом для установления значения глагольных префиксов *mi-* и *e-*. В результате анализа содержания документа RTC, 19 я пришел к следующему предварительному определению значения префиксов *mi-* и *e-*: *mi-* ставился перед глаголом, действие которого направлено было в пользу лица, бывшего в центре внимания составителя текста, а *e-* ставился перед глаголом, действие которого не было направлено в пользу того лица, на которое было обращено внимание составителя текста.

В настоящей работе я намерен на основании анализа других документов хозяйственной отчетности, а также исторических и историко-религиозных надписей проверить правильность моего определения значения *mu* и *e*, которое было получено в результате анализа RTC, 19.

Остановимся в первую очередь на простых документах, интерпретация которых не представляет никакого труда, как, например, DP, 101. Здесь *patеси* дарит кому-то ослицу, и мы имеем закономерно форму *e-na-ba*. Затем даритель приводит к *patеси* осла и опять закономерно использована форма *mi-na-tum*. *Patеси* в свою очередь дарит некоему NN осла и, естественно, поставлена форма *e-na-ba* «он ему подарил». Вполне закономерны глагольные формы и в табличке TSA, 33. Согласно тексту NN приводит к *patеси* быка, и, стало быть, глагольная форма имеет префикс *mi* — *mi-na-tum* «он привел». *Patеси* дарит быка другому, стало быть, *e-na-ba*.

Если в только что приведенных текстах глагольная форма *e-na-ba* «он ему отдал» противопоставляется *mi-na-tum* «он ему принес», а не *mi-na-ba*, т. е. глагольной форме глагола *ba* «давать» с префиксом *mi-*, то в других почти тождественных между собой текстах мы видим, что формы глагола *ba* с префиксом *e* противостоят формам того же глагола *ba* «давать» с префиксом *mu*. Это — документы, в которых отмечалась выдача нату-

ральной зарплаты людям, работавшим в храмовом хозяйстве богини Баба. В большинстве их (около десяти) выдача зерна этим людям через Эниггала, заведующего хозяйством, выражается глагольной формой *e-ne-ba* «он им выдал», но в трех известных пока документах Эниггал — не *e-ne-ba*, а *mu-ne-ba*¹.

Тексты, как я уже говорил, почти тождественны, и поэтому встает вопрос, почему же в некоторых из этих документов форма *e-ne-ba* заменена формой *mu-ne-ba*, которая, согласно моему предположению, означает действие в пользу того лица, которое стоит в центре внимания составителя текста. Таковым лицом для писца этих документов являлся, конечно, крупный чиновник — заведующий хозяйством Эниггал — и для него выдача натуральной зарплаты работникам храмового хозяйства из зерна, находящегося в его распоряжении, шла не в пользу, не в приход его, и поэтому глагольная форма *e-ne-ba* является вполне естественной. Форма же *mu-ne-ba* «он дал им в свой приход» является, казалось бы, в данном контексте совсем непонятной. Но я полагаю, что смогу объяснить наличие глагольной формы *mu-ne-ba* в указанных документах, исходя из установленного мной положения. Дело в том, что между текстами с *e-ne-ba* и текстами с *mu-ne-ba* существует, правда, одно, но зато весьма существенное различие. В текстах с *e-ne-ba* (например, TSA, 15) Эниггал, заведующий хозяйством, дает работникам зерно из закрома (*gánu*), а в текстах с *mu-ne-ba* Эниггал дает зерно не из закрома, а в поле. Очевидно, это отличие в источнике выдачи зерна и обусловило различие в выборе глагольной формы. Выдавая зерно из закрома, в котором зерно, поступавшее с полей, было заприходовано, заведующий хозяйством должен был в своих бухгалтерских табличках отметить эту выдачу как расход. Если же он по каким-либо причинам мог произвести выдачу зарплат в поле, т. е. зерном, еще не заприходованным в закром, подлежащий его ведению, то он эту выдачу не отмечал как расход, и она тем самым превращалась в приход, поскольку зарплата его работникам производилась не за его счет. Очевидно, зерно, находившееся еще в поле, не вписывалось в глиняные бухгалтерские книги заведующего хозяйством Эниггала.

Для подтверждения выдвинутого мною положения весьма интересные наблюдения дает анализ форм глагола *bal* «ломать, разбивать» (табличку) с префиксами *mu-* и *e-*. Я начну этот анализ с исследования текста DP, 561², который доставил много хлопот Р. Жестену³. Содержание текста следующее: «240 четвериков Эмеламсиру надзирателю; была ему сломана табличка (*e-na-bal*); 80 четвериков 48 *ga* Галутур (и) Урдулби энгарам (нахарям); была им сломана табличка (*e-ne-bal*). Зерно с *nig-sinna* поля Урдуа, Барнамтарра, жена Лугаланды, *patesi* Лагаша. Эниггал, заведующий хозяйством, сломал для себя им табличку (*mu-ne-bal*)».

Смену глагольных форм *e-na-bal*, *e-ne-bal* и, наконец, *mu-ne-bal* я готов объяснить следующим образом: надзиратель и два энгара представили зерно с поля земли *нигенна* и чиновники, заведующие землей *нигенна*, разбили таблички, определявшие количество зерна, даваемого надзирателем и энгарами. Поскольку же чиновники разбили табличку не в своих интересах, а в интересах надзирателя и двух энгаров, то поэтому глагольные формы имеют префикс *e-*. Надзиратель же и два энгара, получив зерно, передали его заведующему хозяйством Эниггалу, который, приняв зерно в закром храмового хозяйства, разбивает им табличку, фиксирую-

¹ TSA, 14; Ник. 16; Brit. Mus. 102 081 = Or., I, 43—44, 9 (стр. 42).

² Or., I, 5, стр. 5, № 71.

³ R. J e s t i n, Le verbe sumerien, II, P., 1946, стр. 122.

щую их обязанности, в свой приход, т. е. *tu-ne-bal*. Очевидно, по той же причине и составитель текста Ник., 100, зафиксировавшего передачу 147 четвериков ячменя с поля Шагатур, отмечает, что Шубур, заведующий хозяйством, *tu-na-bal*, т. е. «в свой приход разбил ему табличку». Та же форма *tu-na-bal* отмечает в DP, 39 действие чиновника Уришунирда по отношению к некоему Кити, который доставил этому чиновнику с заведоваемого поля 609 четвериков зерна. С другой стороны, вполне понятно, что в тексте RTC, 72, в котором зерно с поля *нигенна*, т. е. с земли, принадлежащей храмовому хозяйству, объявляется «кормлением» *патеси*, чиновник храмового хозяйства применяет форму *e-na-bal*, поскольку он разбивает табличку тому, кто передает зерно с поля, не в свой приход или, вернее, не в приход храмового хозяйства, которое в данном тексте стоит в центре внимания. Из-за того же соображения форма *e-ne-bal* применяется в документе DP, 560, в котором перечислены пять лиц, передававших с поля земли *нигенна* известное число мер зерна для «кормления» *патеси*. Поэтому Эннгал, заведующий хозяйством, разбивает таблички их обязательств не в свой приход, или в приход храмового хозяйства, и поэтому применена не форма *tu-ne-bal*, а форма *e-ne-bal*.

В тексте RTC, 66⁴, являющемся списком расходов храмового хозяйства *zi(g)-zi(g)-ga*, мы читаем в итоговой части, что «Эннгал, заведующий хозяйством, разбил табличку», в которой были перечислены эти обязательства для храмового хозяйства платежи; но это действие было им произведено не в свой приход, а в свой расход, поскольку все эти платежи являлись расходом для храмового хозяйства, поэтому составитель текста применил форму не *tu-bal dubbi*, а форму *e-bal dubbi*.

Правда в трех документах⁵ мы находим после момента возвращения, resp. внесения (*šu-a-ne-gí*) зерна с полей *niġ-en-na*-земли, что Шубур, заведующий хозяйством, сломал табличку не в свой приход, т. е. не *tu-bal*, а *e-bal*. Может быть, это объясняется тем, что глагол *šu-a-ne-gí* обозначает какое-то особое действие, при котором зерно с земли *niġ-en-na* почему-то не сдавалось в хозяйство храма, и поэтому составитель текста и заменил форму *tu-bal* формой *e-bal*. Я готов объяснить данную замену следующим наблюдением, сделанным мною над другой группой документов. Дело в том, что данные документы Ник., 98, Fö., 81 и Ник., 81 связаны между собой, как я полагаю, единой операцией по взиманию урожая или налога зерном с храмовых полей, и эти три документа, таким образом, дают нам возможность установить, как происходила эта операция. В документе Ник., 98, датируемом первым годом без упоминания имени правителя, сообщается, что надзиратель Энмэним с поля Шагатур представил: «74 четверика (*gur saġgal*) зерна, это 1 разбитие (*bal-am*). 254 ³/₄ четверика 24 *ga* зерна. Это 2 разбитие (*bal-am*). Шубур, заведующий хозяйством, разбил в свой приход ему табличку (*tu-na-bal*)». Из документа Fö., 81, датируемого также первым годом без указания имени правителя, мы узнаем, что тот же надзиратель Энмэним с поля Шагатур представил: «41 четверик зерна, это 3 разбитие (*bal-am*). 255 ¹/₂ четверика зерна, это 4 разбитие (4 *bal-am*). Шубур, заведующий хозяйством, разбил в свой приход ему (табличку) (*tu-na-bal*)».

В документе же Ник., 81 мы имеем, как я полагаю, продолжение и завершение той хозяйственной операции, начало которой увековечено в документах Ник., 98 и Fö., 81. В самом деле, мы находим в указанном тексте следующее содержание: «616 четвериков 48 сила зерна Энмэним, надзи-

⁴ Ог., I, 5, стр. 8, № 76.

⁵ Ник., 96; Fö., 46 и DP, 566.

ратель, вернул (*šu-a-ne-gi*), Шубур, заведующий хозяйством, в дом Килам⁶ отсыпал (*i-si*), 1 год. Это зерно с поля Шагатур».

Весьма заманчиво сопоставить это число в 616 четвериков зерна с той суммой мер зерна, которую представил надзиратель Эннимэним в четыре приема. Последняя равна 626 четверикам зерна, т. е. лишь на 10 четвериков больше, нежели те 616 четвериков, которую представил, согласно табличке Ник., 81, тот же надзиратель Эннимэним с того же поля Шагатур в том же первом году тому же заведующему хозяйством Шубуру⁷. Если можно согласиться с этим моим предположением, то мы получаем следующее представление об операции представления зерна с полей земли *нигенна* заведующему хозяйством храма. Лица, отвечающие за доставку зерна с определенного поля земли *niĝ-en-na*, отдавали его иной раз в несколько приемов. Заведующий хозяйством по получении от надзирателя каждой части общей суммы мер зерна разбивал в свой приход соответствующую табличку, что равнялось как бы выдаче квитанции. Когда же заведующий хозяйством подводил окончательный итог зерну, полученному с соответствующего поля, то он разбивал табличку, отмечающую общую сумму зерна, которая следовала с данного поля. Этот процесс нашел, как я уже говорил, свое отражение в том, что переведенных табличках Ник., 98, Fö., 81 и Ник., 81, и я готов предположить, что упомянутые выше таблички Ник., 96, Fö., 46 и DP, 566 являются, подобно табличке Ник., 81, документами, подводившими итоги суммам мер зерна, получаемого в несколько приемов с того или другого поля земли *нигенна*⁸. В не дошедших до нас первичных документах Ник., 96, Fö., 46 и DP, 566 несомненно отмечалось, как и в сохранившихся первичных документах Ник., 98 и Fö., 81, что таблички, свидетельствующие о получении причитающихся с надзирателей частей общей суммы зерна, были разбиты в приход заведующего хозяйством (*nu-bal*). В итоговых документах Ник., 81, Ник., 96, Fö., 46 и DP, 566 устанавливается общая сумма мер зерна, полученная частями в предшествующее время заведующим хозяйством из рук надзирателей полей; эту сумму мер зерна заведующий хозяйством возвращал (*šu-a-ne-gi*) в заком храма, и тем самым он терял непосредственную связь с этим зерном, владельцем которого становился в данных условиях заведующий закомом зерна. Поэтому действие *bal* «разбивание» должно было быть связано не с префиксом *nu-*, а с префиксом *e-*, поскольку «разбивание» таблички надзирателя поля производилось не в пользу заведующего хозяйством, а в пользу другого лица. Дело в том, что префикс *e-* ставился и перед глаголом, действие которого не являлось прямо вредным для лица, бывшего в центре внимания составителя текста, но лишь нейтральным. За то, что действительно глагольная форма *e-bal* отмечала для заведующего хозяйством часто не вредное, а лишь нейтральное действие, говорит и то обстоятельство, что в большинстве табличек, подводивших итог получения зерна с того или другого поля, отсутствует указание *e-bal* «он разбил» (табличку); оно заменяется указанием, что заведующий хозяйством *é-*

⁶ Учреждение, из которого производились ежемесячные основные расходы хозяйства храма Баба.

⁷ Это небольшое количество мер зерна заведующий хозяйством имел право, вероятно, удерживать в свою пользу. Мы имеем, кажется, и другие примеры подобных удержаний. Так, подобное же удержание я устанавливаю в моей статье «Значение шумерийского документа, изданного А. П. Рифтиным, для изучения эпохи правителей Лагаша — Лугаланды и Урукagina» («Уч. зап. Ин-та народов Азии», 25, 1960, стр. 186).

⁸ В противоположность документу Ник., 81, у которого сохранились его первичные документы — Ник., 98 и Fö., 81, к сожалению, у документов Ник., 96, Fö., 46 и DP, 566 не сохранились их первичные документы.

kilam-ka-ka i-si «в закром Килам отсыпал»⁹. Стало быть, e-bal «он разбил» как завершающий, итоговый этап приема зерна был настолько несущественным, что мог быть пропущен и заменен другим моментом — указанием на отсыпку зерна в соответствующий закром.

Глагольный префикс e- отмечает часто действие, производящееся не в приход лица, которое выдвигается составителем текста, а в расход его, и он тем самым как бы включается в терминологию бухгалтерии. Такой характер префикса особенно рельефно выступает в связи с рассматриваемым нами глаголом bal «ломать, разбивать» в специфическом контексте документов, отмечающих задолженность перед храмовым хозяйством. Дело в том, что в подобных документах указывается на следующее мероприятие заведующего хозяйством по отношению к должнику: Eniggal-nubanda dubbi edabab gu-na e-na-gar «Эниггал, заведующий хозяйством, табличку вместе с ним разбил и на шею ему возложил (долг)»¹⁰.

Поскольку недоимки должника шли в расход заведующего хозяйством, то вполне понятно, что и глагол bal «разбивать», и глагол gar «положить» в данном контексте нужно было поставить с префиксом e-.

В некоторых документах, отмечающих задолженность (lal-a) скотом, мы встречаем глагол bal «ломать, разбивать табличку», а также глагол «класть» (gar) в связи с оборотом šitim¹¹ e-ag «контроль произвести». Так, в табличке Ник., 175 от третьего года Лугаланды идет речь о долге в 232 ягненка двенадцати пастухов. В итоговой части текста мы читаем: «Эниггал, заведующий хозяйством, который в abzu хозяйства (é) контроль произвел (e-ag-a), пастухам табличку им разбил, на шею (затылок) им возложил (e-ne-gar)». Я только что разъяснил, почему в подобном контексте применены глагольные формы с префиксом e-. В сходном контексте мы встречаем šitim ag «производить контроль» в связи с долгом в 17 овец и 56 ягнят, являющихся собственностью жены *patesi*, в документе RTC, 42 от пятого года Лугаланды. Здесь итоговая часть отмечает, что «Эниггал, заведующий хозяйством, в бассейне канала Малого контроль их (šitim-bi) произвел (e-ag), на шею им возложил». В данном тексте термин «контроль их произвел» (šitim-bi e-ag), очевидно, включает в себя также и операцию «разбивания таблички».

В скотоводстве Шумера производство šitim «контроля» играло большую роль. Дело в том, что в ряде случаев скот находился вне храмового хозяйства, на попечении отдельных пастухов и во избежание злоупотребления с их стороны нужен был контроль. Последний требовался по отношению и к тому скоту, который находился в самом храмовом хозяйстве. Из таблички Ник., 207 мы далее узнаем, что существовал специальный месяц контроля скота (iti šitim). После произведения «šitim скота» иной раз скот передавался в заведование другого лица, как об этом свидетельствует Ник., 210. Надлежит отметить, что операция «произведения контроля» (šitim ag) применялась в это время лишь по отношению к скоту, а во время III династии Ура и по отношению к работникам царско-храмового хозяйства.

Для дальнейшей проверки правильности моего определения использования префиксов tu- и e- я остановлюсь на документе TSA, 30, который доставил столько беспокойства Р. Жестену. В данном документе от второго года Урукагины зафиксированы три хозяйственные операции, из которых каждая выражена специфической глагольной формой, требующей объяснения с моей стороны. В первой операции документа роль действующего лица играет *patesi*, который подаренный ему скот в свою оче-

⁹ См. таблички Ник., 45; 79—82; 23, DP, 551.

¹⁰ См. Ник., 99; DP, 249; 422; 556; 557; 565; Fö., 121; 125 и т. д.

¹¹ Идеогр. IGI + GAR.

редь дарит своей дочери Гемебау; здесь вполне закономерно с моей точки зрения применена глагольная форма *e-na-ba*, ибо действие происходит не в пользу лица, которое стоит в центре внимания составителя текста. Во второй хозяйственной операции внимание составителя надписи переносится на дочь *патеси*: ей приводят в дар корову, и поэтому вполне закономерно здесь поставлена глагольная форма *mu-na-tum*. Третья хозяйственная операция связана с Эниггалом, заведующим хозяйством; она зафиксирована в итоговой части документа. После указания, что скот, перечисленный в документе, пребывает вне храмового хозяйства (*e-da-sig*), у пастуха Игизиды, сообщается, что у водоема Нингирсу Эниггал, заведующий хозяйством, контроль произвел (*šitim mu-ag*). Р. Жестену с точки зрения его теории было трудно объяснить появление этой глагольной формы, и он вынужден был следующим, не совсем вразумительным образом объяснить применение здесь не глагольной формы *šitim-bi e-ag*, а *šitim-bi mu-ag*: «В *mu-ag* *mu* должно подчеркнуть общую идею почтения к принцессе *Geme-bau*, контроль животных, подлежащих приношению, сам по себе свидетельствует о проявлении заботы и уважения к получателю»¹². Но, если стать на мою точку зрения, то прибегать к столь искусственному объяснению не понадобится, в этом случае применение формы *šitim-bi mu-ag* объяснимо тем, что произведение контроля в данном контексте было делом в пользу заведующего хозяйством. В самом деле, скот, принадлежавший дочери *патеси*, входил в хозяйство, которым заведовал Эниггал, но анализируемый нами текст указывает на то, что этот скот находился в ведении пастуха Игизиды, стало быть, не в непосредственном ведении Эниггала. Поэтому произведение контроля являлось мероприятием в пользу, в приход заведующего хозяйством Эниггала, который тем самым проверял наличие скота, вверенного пастуху, и убеждался в честности последнего; таким образом, глагольная форма *šitim-bi mu-ag* является в данном случае вполне уместной. В пользу правильности моего объяснения применения здесь формы *mu-ag* говорит и документ VAT, 4728 от четвертого года Уруккины¹³. Здесь перечислено некоторое количество крупного скота, пожертвованного пятью лицами царевичу Ленникиагу. Этот скот находился у пастуха Мепакуды, чтобы он пас его для царевича. Стало быть, и этот скот не находился в непосредственном ведении заведующего хозяйством, и значит контроль скота производился в интересах хозяйства, подведомственного Эниггалу, и поэтому глагольная форма, примененная здесь, должна была иметь вполне закономерно префикс *mu-*. Правда, в этом документе нет выражения *šitim-bi mu-ag* «он произвел в свою пользу (для себя) контроль», а стоит *mu-šid* «он для себя считал». Этот термин *šid* «считать» тесно связан с термином *šitim* «контроль» в формуле *šitim-ma šid-da* «контролируемое и просчитанное», встречающейся во многих табличках хозяйственной отчетности по скотоводству. Эта формула является настолько существенной в документах хозяйственной отчетности, что иной раз, как, например, в табличке-булле Ник., 205 отмечается, что в архивной корзине находятся документы о кормящих ослицах *šitimma, šid-da* «контролируемых (и) считанных», хотя выражения *šitim-bi mu-ag*, resp. *e-ag* и отсутствуют.

У Деймеля глагольные формы *šitim-bi e-ag/mu-ag* и *e-šid/mu-šid* вызывают недоумение, и он по поводу их замечает: «при глаголе „считать“ применяются то формы с *e*, то формы с *mu*, хотя значение их отличия остается для меня неясным». Опираясь на мою установку, можно легко объяснить, например, появление формы *nig-šid-bi e-ag* в документе DP, 529,

¹² J e s t i n, Le verbe sumerien, II, стр. 230.

¹³ A. D e i m e l, Sumerische Grammatik, Roma, 1924, стр. 222.

в котором зафиксированы выдачи посевного зерна из закромов храмового хозяйства. Поэтому вполне понятно, что здесь применяется глагольная форма с префиксом *e*, поскольку она отмечает расход для заведующего храмовым хозяйством Эниггала.

В тексте Ник., 259 от четвертого года Лугаланды мы имеем любопытное сопоставление терминов *šitim ag* и *nig-šid ag*. Здесь отмечается контроль крупного скота, произведенный на одном из полей, т. е. вне хлева храмового хозяйства, на пастбище, где скот находился под надзором пастуха. Поэтому Эниггал, заведующий хозяйством, производит контроль скота для себя — *šitim áb mu-ag*, но «исчисление их», т. е. скота, *nig-šid-bi* отмечено глагольной формой *e-ag*. Очевидно, это было обусловлено тем, что мероприятие контроля для самого Эниггала было отмечено уже глагольной формой *mu-ag*, а исчисление скота, в котором при осуществлении контроля были в одинаковой мере заинтересованы и Эниггал, и пастух, было выражено глагольной формой *e-ag* в ее нейтральном значении.

Для проверки моей теории является интересным и текст трех таблиц, которые имеют отношение к скотоводческому хозяйству двух дочерей *patesi* Лугаланды — Геме-Нази и Мишагга. В первом из этих текстов, датированном пятым годом Лугаланды ¹⁴, над их скотом, проконтролированным (*šitima*) и считанным (*šidda*), сам *patesi* Лугаланда произвел контроль (*šitim-bi e-ag*). Форма *e-ag* поставлена здесь, так как *patesi* произвел контроль скота, не отданного пастухам, а пребывавшего в непосредственном ведении хозяйства *patesi*, охватывавшего и хозяйство его детей. Этот контроль, стало быть, мог вскрыть злоупотребления в самом хозяйстве *patesi*, а не в хозяйстве пастухов, которым был передан скот. Поэтому действие *patesi* по отношению к своему хозяйству было нейтральным, и соответствующая ему глагольная форма требовала префикса *e*-. Из тех же соображений исчисление скота дочерей *patesi* заведующим хозяйством детей *patesi* Уригиамашу было выражено глагольной формой *e-na-šid* «он ему (т. е. *patesi*) исчислил». Ведь он проверил в связи с контролем скот, пребывавший в его ведении, и это исчисление могло грозить ему неприятностями или являлось для него во всяком случае безразличным (нейтральным).

Переходя к анализу двух других текстов, посвященных скотоводческому хозяйству дочерей Лугаланды, — Ник., 203 и 204, датированных шестым годом названного *patesi*, следует отметить, что в первом из них мы находим в итоговой части *šitim-bi mu-ag* «он для себя произвел контроль их», а во втором *šitim-bi e-ag* «он произвел контроль». Прочее содержание обоих текстов почти тождественно, кроме указания места, где был произведен контроль. Местом в тексте Ник., 203 является «загон» (*bád* «стена»), «.....» ¹⁵ (ослы), приведены были (*tum-ma*) и (там) имелись (*tuk-ka*). Это, очевидно, было место в степи, в котором пастухи держали вверенные им стада скота. Поэтому-то *patesi* Лугаланда произвел контроль для себя (*šitim-bi mu-ag*). Что же касается Ник., 204, то здесь место, где производился контроль, было другим. Правда, текст здесь несколько разрушен, но я его восстанавливаю с некоторой долей вероятности следующим образом: «Энимэниму [были приведены (и там) [име]лись. Он контроль произвел (*šitim-bi e-ag*)». Энимэним, чиновник храмового хозяйства, который неоднократно упоминается в архиве храма Баба времени Лугаланды и Урукагины, произвел контроль скота, находившегося в непосредственном ведении храмового хозяйства, и поэтому, согласно моему объяснению, глагольная форма, выражающая акт контроля, должна была иметь пре-

¹⁴ Табличка VAT, 4467 = Or., I, 20, стр. 19, № 53.

¹⁵ Ka.tuk(?)-da(?). Вероятно, название загона.

фикс е-: *šitim-bi e-ag* «он (т. е. Энимэним) произвел контроль». Поскольку я могу проследить, во всех тех случаях, когда контролируется скот, пребывающий в пределах самого храмового хозяйства, применяется префикс е- — *šitim-bi e-ag*.

Мне кажется, что мое определение значения префиксов *mu-* и *e-* дает возможность объяснить формы глагола *gál* в значении «быть, пребывать» с префиксами *mu-* и *e-*. Дело в том, что глагол *gál* «быть, пребывать» не является таким нейтральным глаголом, как *tuk* «иметь», который употребляется, насколько мне известно, лишь с префиксом е-, т. е. глагол «иметь» выражал понятие обладания без указания «для себя». Для шумерийца, очевидно, аксиомой была аксиома Рима *beati possidentes*. В противоположность глаголу *tuk* глагол *gál* «быть» соединялся как с префиксом е-, так и с префиксом *mu-*. Вследствие этого глагол *gál* стал подлинным камнем преткновения для всех четырех попыток интерпретации префиксов *mu-* и *e-*. В самом деле, глагол «быть» не может иметь отношения ни к движению в пространстве, ни к движению во времени, ни к движению в мире социальных явлений, ни к движению в мире биологических явлений. Так, Деймель в своей шумерской грамматике (стр. 287) заявляет, что «частые формы *e-gál* (*exsistere?*) и *mu-gál* (*in-esse?*) имеют в древнейших хозяйственных текстах конкретное значение, которое мне еще не известно». Так же и Р. Жестен не может объяснить применение *mu-* и *e-* перед глаголами *gál* (VS, II, стр. 237 сл.), ибо не находит здесь «движения к высокому, высшему»; для него остается неясным этот вопрос и тогда, когда эти формы *mu-gál* и *e-gál* сменяются в одном и том же тексте.

Для меня же наличие применения префиксов *mu-* и *e-* при глаголе *gál* доказывает, что имеется момент, обуславливающий их применение в том или другом случае, и я полагаю, что этот момент можно будет установить, опираясь на мое определение значения глагольных префиксов *mu-* и *e-*.

Если префикс *mu* означает действие в пользу или в приход лица или учреждения, на которого или которое обращено внимание составителя текста, то, применяя данное правило по отношению к глаголу *gál* «быть, пребывать», *mu-gál* должно было бы выражать существование чего-то в полагающемся месте, где оно пребывало в приходе, а *e-gál* означало бы существование чего-то в неполагающемся ему месте, где оно пребывало бы в расходе. Так, бревна, находящиеся, согласно Ник., 284, в саду Эту, т. е. в месте, полагающемся для них, они, как свидетельствует этот документ, *mu-gál*, а бревна, находящиеся в «доме зерна» или в «доме овец», не существуют для себя, а существуют для расхода, и поэтому экзистенциальное суждение выражается не глагольной формой *mu-gál*, а *e-gál*. В трех учреждениях, не имеющих дела с деревом, бревна, согласно тексту Ник., 286, существуют *e-gál*, а в тексте VAT, 4831 деревья, находящиеся в трех складах (*gá-uku*), существуют для себя — *mu-gál*. Деревья, сложенные «на своем поле», т. е. на месте, где их срубили и не предназначали для расхода согласно DP, 437, существуют «для себя». Поэтому я готов следующим образом интерпретировать *mu-gál* в тексте DP, 487, в котором зафиксирована доставка орудий из дерева различными лицами и в итоговой части которого встречается эта глагольная форма: «Орудия из дерева, взятые в магазин рядом с городом, находились в приходе *mu-gál*». Если же в надписи конуса В/С Урукагины (стб. IV, 18) мы встречаем форму *e-gál* в контексте — «поля хорошие богов местом радости *natesi* были (*egállam*)», то составитель текста хотел тем самым подчеркнуть, что хорошие поля богов не существовали в пользу, в приход этих богов.

Разобрав вопрос о *gál*, я рассмотрел последний из глаголов, которые в связи с применением префиксов *mu* и *e-* создавали последователям четырех вышеперечисленных теорий наибольшие затруднения. Теперь я про-

верю мое определение значения префиксов *tu-* и *e-* на некоторых из других глаголов.

Одним из наиболее часто встречающихся глаголов в документах хозяйственной отчетности является глагол *tum* (D1) «нести, принести, привести». И этот глагол может иметь то префикс *tu-*, то префикс *e-* resp. *i-*. Так, в документе DP, 442, посвященном операциям с деревом, отмечается, что дерево из рощи *tu-tum* «приносится в приход», а из склада *i-tum* «приносится в расход».

Значение «в свой счет» глагол *tum* «приводить, приносить» имеет в тексте Ник., 293. Здесь торговый агент «дома женщины» *Uremus* получает известную сумму серебра, чтобы кушить рабов. Из этой суммы он приводит на свой счет (*tu-tum*) одного раба за 14 сиклей, другого — за 20 сиклей и, наконец, третьего — за 14 сиклей. Я могу привести бесконечное число подобных примеров. Глагол *gar* «положить, класть» в дошедших до нас документах хозяйственной отчетности имеет обычно префикс *e-*, как, например, в DP, 504, в котором Эниггал из какого-то пункта «большое количество деревянных форм для кирпичей на корабль относил (*e-me-gar*)». Но глагол *gar* мог употребляться и с префиксом *tu-*, как это засвидетельствовано документом Fö., 28, в котором мы находим форму *tu-na-ta-gar*. Здесь зафиксирована следующая хозяйственная операция: «Дерево для орудий пахоты из склада, находящегося вне города, Эниггал, заведующий хозяйством, для *Уу, сангу* (т. е. верховного жреца) дворца, в месяце Гудунемуа в его приход ему приложил»¹⁶.

С моим объяснением значения префиксом *tu-* и *e-* легко согласовать и соответствующие формы глаголов *gid* «мерить», *šam* «покупать», *sum* «давать», *halam* «уничтожать» и *gaz* «разбивать». Для примера я остановлюсь на глаголе *gaz* «разбивать». Так, в надписи Эаннатума (камень А, V, 7 и камень В, VI, 4): «Бог Нингирсу враждебного Лагашу царя *tu-gaz tu-halam* (т. е. «разбил и уничтожил для себя»)». В стеле же Коршунов (VIII, 2—3), в контексте, где подчеркивается, что битва имеет место в области самой Уммы, мы находим не форму *tu-gaz* «он для себя разбил», а *i-gaz* «он разбил», ибо тем самым отмечается, что действие происходит не в интересах Уммы, на которую здесь составитель текста обращает свое внимание.

Я останавлиюсь еще на двух примерах, связанных с глаголами *il* «носить, приносить» и *dug* «говорить», которые я нашел в надписях Урука из конуса В/С, в одном из которых мы имеем форму *u-ил*, а во втором форму — *tu-ил*. Этим примером воспользовался Р. Жестен для опровержения одной из теорий применения префиксов *tu-* и *e-*. То была теория Тюрро-Данжена и Деймеля, которая, пожалуй, и теперь имеет наибольшее количество сторонников¹⁷. Жестен нашел аргументацию для опровержения указанной теории путем сопоставления стб. V, 18—21 конуса В/С со стб. IX, 2—4 той же надписи. Содержание текста стб. V, 18—21 следую-

¹⁶ Следует отметить, что для составителя текста в центре внимания стоит не заведующий хозяйством храма богини Баба, а верховный жрец дворца.

¹⁷ У нас держались этой теории В. К. Шилейко и его ученик А. П. Рифтин (см. запись лекций А. П. Рифтина по шумерийской грамматике, представленную мне с постоянной любезностью Л. А. Липшиным, стр. 26). Ученик А. П. Рифтина Н. М. Дьяконов является также, судя по его статье «О языках древней Передней Азии» (ВЯ, 1954, № 5, стр. 44 сл.), сторонником этой теории. Правда, упоминая дважды на стр. 49 глагольные префиксы, он в первый раз сопровождает свое определение их как «показатель направления действия» вопросительным знаком, но зато во второй раз он не снабжает свое утверждение «*tu-* — префикс направления действия» вопросительным знаком.

щее: *maš bar-tug sangu-sangu-ne il-še í-il-an* «одежду из козьей шерсти¹⁸ все верховные жрецы в качестве приношения (подати) относили»¹⁹. Эта обязанность верховных жрецов отдавать ряд предметов в качестве подати упоминается в той части надписи конусов В/С, которая перечисляет злоупотребления, имевшие место во время предшественников Урукагины. В той же части надписи, которая посвящена изложению мероприятий царя-реформатора, включено его постановление об удалении мытарей, взимавших *il sangu-sangu-ne é-gal-še mu-il-a* «приношение, которое все верховные жрецы ко дворцу приносили» (стб. IX, 2—4).

Жестен, сопоставляя эти две только что процитированные фразы конуса В/С, отмечает, что «Подлежащее их является тем же самым. Движение тем же самым: жрецы приносят свои жертвы. То, что место в одном случае упомянуто, а в другом не упомянуто, ничего не меняет в отношении направления, которое по существу является единым: будучи тем же самым, направление должно было быть выраженным тем же самым префиксом, если бы этот последний имел значение показателя направления»²⁰.

Р. Жестен был, несомненно, прав, указывая на то, что путем сопоставления этих двух параллельных предложений надписи конуса В/С он устанавливал в применении префиксов *mu-* и *e-*²¹ противоречие с теорией, созданной Тюро-Данженом и Деймелем. Вместе с тем он должен был бы отметить, что в данном случае имело место и противоречие с его собственной теорией, утверждающей, что префикс *mu-* указывает на действие, направленное к лицу, социально более значительному, а *e-* — на действие, обращенное к лицу, социально менее значительному. Действительно, ведь и в первом из приведенных предложений надписи подразумевается, что верховные жрецы приносили свои подати ко «дворцу», т. е. к местопребыванию правителя государства Лагаша, который стоял, несомненно, выше, нежели верховные жрецы храмов, притом храмов нестоличных²².

Тем не менее в данном предложении префиксом глагола *il* «носить» является не *mu-*, как это следовало бы ожидать согласно теории Жестена, а префикс *e-*. Поэтому читатель имеет полное право спросить Р. Жестена, почему же в этих двух приведенных предложениях, имеющих одно и то же подлежащее и прямое дополнение, мы находим все же в первом из них глагольный префикс *e*, а во втором *mu*? Тот же самый вопрос может быть поставлен и перед Э. Сольберже, автором четвертой из рассмотренных теорий. Дело в том, что и с точки зрения этой теории остается непонятным, почему же при равном по существу построении анализируемых предложений в надписях конуса В/С в них применяются два различных глагольных префикса.

При сопоставлении этих двух предложений следует также вывод, что и вторая из рассмотренных нами теорий, теория А. Пёбеля, не находит в данном случае своего подтверждения. В самом деле, действие, выражен-

¹⁸ Эта «одежда из козьей шерсти» — последний из длинного списка предметов, которые должны были вносить в дворец *patesi* верховные жрецы всех храмов, кроме храмов Нингирсу, Баба и Душпагана.

¹⁹ Обоснование во всех деталях этого перевода, как и перевода стб. IX, 2—4, я дам в соответствующем месте моей интерпретации всей надписи конуса В/С. Столь обоснованный перевод в данном случае и не требуется.

²⁰ Jestin, *Le verbe sumerien*, II, стр. 115.

²¹ Я полагаю, что Пёбель в своем исследовании «The Sumerian Prefix Forms *e-* and *i-* in the Time of Earlier Princes Lagash» («Assyriological Studies», № 2, 1931) доказал, что префиксы *e-* и *i-* в надписях правителей Лагаша доаккадского периода являются вариантами одного и того же префикса, требуемыми глаголами с различным фонетическим оформлением в области огласовки.

²² В работе, посвященной комментированному переводу надписи конуса В/С Урукагины, при анализе текста стб. V, 18—21 я остановлюсь на определении значения титула *sangu*.

ное глагольными формами *i-il* и *tu-il-a*, относится к одному и тому же времени, ко времени предшественников Уруагины, и тем не менее они имеют различные префиксы.

С точки же зрения той теории, которую предлагаю я, наличие применения в приведенных двух предложениях различных глагольных префиксов является вполне закономерным. В самом деле, в первом из предложений внимание составителя надписи сосредоточено на верховных жрецах и действие — принесение податей, отмеченное в предложении, — направлено не в их пользу, а поэтому и должен был быть применен согласно моей теории глагольный префикс *e-*. Что же касается второго предложения, то здесь внимание составителя надписи обращено на дворец, в пользу которого производится приношение податей, и поэтому согласно правилу используется глагольный префикс *tu-*.

Как уже выше было сказано, я в заключение хочу остановиться на условиях смены форм глагола *dug₄* «говорить» с *tu-* и *e-*, которые можно хорошо проследить в двух надписях Уруагины на глиняных предметах, напоминающих маслины. Имя одного из этих votивных предметов гласит: «Нингирсу в храме Урука о благе Уруагины с Баба для него говорил (*tu-da-dug₄*)». Поскольку Нингирсу говорил с Баба в пользу Уруагины, который, конечно, стоит в центре внимания составителя текста, то вполне закономерно стоит в тексте форма *tu-dug₄*.

На втором предмете увековечена следующая надпись царя Лагаша: «То, что Нингирсу с Уруагиной говорил (*e-da-dug₄-ga-a*), он не изменит, Уруагина, царь Лагаша, понес (*i-tum*) это». В речи Нингирсу к Уруагине не было указания на благо кого она велась, а поэтому и стоит форма *e-da-dug₄* в своем нейтральном значении.

Мое исследование о значении глагольных префиксов *tu-* и *e-* подошло к концу. Я надеюсь, что путем анализа различных глаголов с *tu-* и *e-* я смог сделать убедительным мое определение значения этих двух префиксов. Я позволю себе еще раз напомнить это мое определение в несколько более уточненном виде. Согласно ему префикс *tu-* ставился перед глаголом, выражающим действие, приближающее прямое его дополнение к лицу или к лицам, к учреждению или предмету, которые составитель текста имел в виду в качестве явления, привлекающего основное внимание в изложении текста в целом или соответствующего его отрезка.

Префикс же *e-* ставился перед глаголом, выражающим действие или не-полезное, или нейтральное для лица или лиц, для учреждения или предмета, которые составитель текста имел в виду в качестве явления, привлекающего основное внимание в изложении текста в целом или его соответствующего отрезка.

Я полагаю, что указанное значение обоих префиксов, вполне естественное в бытовой речи, было еще более закреплено и уточнено письмом в практике наидревнейших письменных памятников Шумера — документов хозяйственной отчетности, ибо следует согласиться с мнением А. Фалькенштейна²³, что «вавилонское письмо выросло из потребностей локальных хозяйственных образований, которые примыкали к религиозному центру города, иной раз и ко двору какого-нибудь правителя». В документах хозяйственной отчетности глагольные формы с *tu-* и *e-* приобретают значение выражения действия «в приход» или «не в приход» лица или учреждения, центрального для составителя текста.

Мое объяснение шумерских глагольных префиксов *tu-* и *e-*, проверенное, как мы видели выше, на текстах хозяйственной отчетности и текстах

²³ A. Falkenstein, *Archaische Texte aus Uruk*, B.—Lpz, 1936 (Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka, 2), стр. 64.

историко-религиозных времени Урукагины, может быть согласовано с тем рациональным зерном, которое содержится в каждой из вышеперечисленных четырех теорий, несмотря на ложность их, взятых в целом. В самом деле, моя теория до некоторой степени может быть согласована с теорией Тюрро-Данжена и Деймеля, поскольку действие, происходящее в пользу кого-нибудь, является часто вместе с тем и действием движения, направленного к данному лицу или учреждению, а действие не в пользу его, или нейтральное, является действием движения от него (например, «давать»).

Мое объяснение значения *mu* и *e* может быть прекрасно согласовано и с наблюдением А. Пёбеля, устанавливающего, что перед инфиксами 1 и 2 лица префикс *e-*, resp. *i-* вытесняется префиксом *mu-*; согласно устанавливаемой мною закономерности и «я», и «ты» должны стоять в центре внимания составителя текста, и поэтому по отношению к ним должна быть применена глагольная форма с префиксом *mu-*.

Закономерность применения *mu-* и *e-*, предложенная Р. Жестеном, является частью той закономерности, которая была мною установлена. В самом деле, социально высшее явление чаще находится в центре внимания составителя текста, нежели социально низшее, и поэтому глагольные формы, связанные с ними, имеют чаще префикс *mu-*, нежели префикс *e-*.

Аналогичным образом может быть согласована с моим объяснением значения префиксов *mu-* и *e-* и теория, предложенная Е. Сольберже. Действительно, неодушевленные явления редко могут стоять в центре внимания составителя текста, и поэтому глагольная форма, примененная к ним, весьма часто является глагольной формой с префиксом *e-*, хотя и следует подчеркнуть, что последняя весьма часто применяется и к одушевленным явлениям, как мы это выше видели.

В заключение моего исследования я хочу подчеркнуть, что изложенное здесь мое объяснение значения шумерских глагольных префиксов *mu-* и *e-*, если оно является приемлемым, будет иметь значение не только для шумерологов, но и для филологов других специальностей, в работах которых привлекается нередко одна из четырех приведенных теорий интерпретации указанных префиксов шумерского глагола.

В. В. Струве

НЕИЗДАННЫЕ ПАПИРУСЫ И ДРУГИЕ ТЕКСТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА*

ТАБЛИЧКИ К МУМИЯМ

В коллекции Отдела Востока Государственного Эрмитажа хранятся так называемые «мумийные этикетки». Этот интересный материал поступил в руки исследователей в результате раскопок некрополей римского времени в Египте во второй половине XIX в. Чудовищное количество мумий, как пишет Р. Форрер, раскапывавший ахмимский некрополь, было снабжено деревянными табличками с надписями. Они содержат имя, возраст, дату смерти, место рождения или жительства покойного, часто также сопроводительное изречение.

* См. первую публикацию в ВДИ, 1961, № 2.